

Попов Н. Г. Об изучении Византийской истории. [Речь перед защитой магистерской диссертации: (Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892)] // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 9. С. 338–350 (2-я пагин.).

Объ изученія византийской исторіи.

Речь предъ защитой магистерской диссертации: «Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. М., 1892 г.»

Ваше Высокопреподобіе,
Милостивые Государи!

Въ этихъ священныхъ стѣнахъ мнѣ *первому* довелось представить на судъ вашего достопочтеннаго собранія специальное сочиненіе по исторіи византийской церкви. Пасколько мнѣ извѣстно, и въ другихъ нашихъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ школахъ гражданская и церковная исторія православной Византіи тоже почти не пользовалась вниманіемъ ученыхъ изслѣдователей; ни въ одномъ изъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній до сихъ поръ нѣтъ даже и особой кафедры по исторіи Византіи. Такое пренебрежительное отношеніе къ этой православной странѣ объясняется общимъ и крайне поверхностнымъ взглядомъ на ея исторію и культурное значеніе, господствовавшимъ долгое время не только на иновѣрномъ западѣ, но и у насъ въ Россіи.—Византія, говорили, безжизненна, однообразна, подражательна, безцвѣтна: стоитъ ли изучать ее? Если западные ученые (Гиббонъ, Гѣрреръ) иногда и писали о Византіи, то почти всегда съ предубѣжденіемъ и только еще болѣе возбуждали противъ нея своихъ читателей. Предубѣжденіе противъ „схизматической“ Византіи особенно было сильно въ католическомъ мірѣ. Если предъ католическимъ ученымъ относительно всѣхъ греческихъ сочиненій стояло правило: *græcæ sunt, non leguntur*, то, понятно, безъ знакомства съ греческой литературой онъ и

не могъ самостоятельно и безпристрастно судить о православноу востокѣ. И у насъ, въ эпоху рабскаго отношенія къ западу, слова „Византія“, „византійщина“ были символами рутины, деспотизма, отсталости, узкаго консерватизма и правственнаго одичанія ¹⁾). Подъ вліяніемъ этого-то невысокаго и даже враждебнаго взгляда на Византію долго и стояла историческая наука. Возьмите старыя учебники по общей гражданской или церковной исторіи, — и вы увидите, что въ нихъ болѣе удѣляется вниманія Испаніи, Швеціи, даже арабскимъ халифатамъ, чѣмъ Византіи. И вотъ, до послѣдняго времени она оставалась книгой за семью печатами для всего европейскаго міра.

Но справедливо-ли такое отношеніе къ Византіи?—Черезъ всю ея исторію проходитъ борьба политическихъ, религіозно-философскихъ партій, въ ней часто происходили социальные, экономическіе и династическіе перевороты; трудно указать въ прошедшемъ страну, гдѣ-бы общественная жизнь текла разнообразнѣе и быстрѣе. Византійскія лѣтописи, хотя въ нихъ важныя историческіе факты и мѣшаются со сценами, достойными Арабскихъ Почей, представляютъ намъ исторію государства не развалившася, изношеннаго и фальшиваго, но полнаго силы и жизненности. Дѣйствительно, „судебъ повинуюсь закону“, Византія переживала эпохи застоя; но въ ея исторіи можно находить и эпохи сильнаго прогрессивнаго движенія. При томъ и во времена застоя, и во времена успѣшнаго хода впередъ Византія была умѣлой хранительницей духовныхъ сокровищъ, унаслѣдованныхъ ею отъ классическаго міра, и усердной провозвѣстницей христіанскаго ученія во всѣхъ окрестныхъ странахъ. Гомеръ, Платонъ, Аристотель и другіе гени до-христіанской эры всегда были больше извѣстны византійскому востоку, чѣмъ романо-германскому западу, и переходили туда лишь черезъ греческія руки. Христіанское просвѣщеніе глубже пускало свои корни тоже въ Византіи и уже отсюда расходилось по другимъ странамъ Европы. Западное богословіе, мораль, юриспруденція долгое время стояли подъ руководствомъ Византіи. Она же питала сво-

¹⁾ Даже Карамзинъ готовъ былъ считать Византію страной истиннаго варваризма. (Истор. гос. рос., изд. Сѣвера, т. 1, стр. 89).

ими сюжетами и снабжала формами свѣтскую литературу, и изобразительныя искусства Европы ¹⁾). А можно-ли пройти молчаніемъ миссіонерское служеніе Византіи? Она выслала своихъ проповѣдниковъ и къ аланамъ, и къ хозарамъ, отъ нея воспріяли свѣтъ Христовой вѣры придунайскіе и русскіе славяне, составляющіе треть европейскаго населенія. Мало того, получая отъ Византіи духовныя блага, прочія страны Европы въ тоже время пользовались и ея гражданскими доблестями. На своихъ могучихъ плечахъ въ продолженіе 1000-лѣтія сдерживала она нашествія разноплеменныхъ варварскихъ полчищъ, которыя постоянно устремлялись изъ Азіи въ Европу и которыя лишь въ XV вѣкѣ нашли возможность овладѣть стѣнами Царяграда. Въ теченіе 1000-лѣтія Византія была, такимъ образомъ, оплотомъ европейской цивилизаціи и культуры противъ невѣжества азіатовъ. Не трудно догадаться, что только подъ условіемъ своей духовной *силы* и могла Византія такъ успѣшно выполнять свою стратегическую миссію.

Намъ нѣтъ нужды *обстоятельно* изображать духовную мощь Византіи и ея важное значеніе въ судьбахъ Европы (эта тема заслуживаетъ цѣлой диссертациі); кажется, и изъ сказаннаго уже видно, что Византія была далеко не такъ безжизненна, непроизводительна и безцвѣтна, какъ давно привыкъ представлять себѣ ее европейскій міръ. Ея многовѣковое бытіе, поэтому, всегда заслуживаетъ благосклоннаго вниманія со стороны изслѣдователей историческихъ судебъ человѣчества. И этотъ долгъ въ отношеніи Византіи, по видимому, давно уже слѣдовало бы сознать ученымъ запада, который издавна и долго жилъ подъ ея руководствомъ и защитой. Но лишь съ эпохи возрожденія и гуманизма началось ихъ знакомство съ Византіей. Читая римскихъ классиковъ и замѣчая, что они подражаютъ греческимъ образцамъ, западные любители просвѣщенія стали въ извѣстной степени изучать и греческую литературу. Во времена реформаціи интересъ къ византійскимъ занятіямъ по политическимъ и религіознымъ обстоятельствамъ нѣсколько усилился. И протестанты, и паписты въ интере-

¹⁾ Византія. Ст. О. Н. Успенскаго въ Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона, т. VI, стр. 250—275.

сахъ взаимной борьбы старались тогда ближе познакомиться съ вѣроученіемъ и устройствомъ восточной церкви. Въстѣ съ тѣмъ, предусматривая и для западной Европы опасность со стороны турокъ, утвердившихся на развалинахъ Константинополя, западные историки изъ изученія причинъ паденія византійской имперіи хотѣли извлечь полезные уроки, для своихъ согражданъ. Изъ западныхъ ученыхъ, интересовавшихся Византіей, прославились Иерон. Вольфъ, Леунклавій, Меурсій, Монфоконъ, Гоаръ, Фабро, Бандури, Лекенъ, Фабрицій, Рейске, а особенно Дюканжъ. Однако и они занимались преимущественно изданіемъ однихъ *матеріаловъ* по византійской исторіи, накопленныхъ вѣками въ книгохранилищахъ Европы, и, по видимому, еще не считали византійскую исторію за самостоятельный и связанный отдѣлъ науки. Притомъ, и эти труды почтенныхъ ученыхъ тоже почти никѣмъ не читались и были опять лишь достояніемъ пыльныхъ библіотечныхъ полокъ. Только за послѣднее время въ западной исторической наукѣ совершился радикальный поворотъ въ отношеніи Византіи. Тогда какъ прежде отъ выхода одного труда по обработкѣ византійской исторіи до появленія другаго проходили цѣлыя десятилѣтія, теперь за границей ежегодно издается по нѣскольку книгъ, а въ историческихъ журналахъ печатается множество монографій и замѣтокъ, посвященныхъ этому предмету. Въ недавнее время въ Асинахъ для всесторонняго изученія Византіи было основано историко-этнологическое общество, издающее свои записки (*Δελτιον*), въ которыхъ помѣщаются труды и природныхъ грековъ, и нѣмцевъ, и французовъ, и русскихъ. Подобный же интернаціональный и чрезвычайно любопытный органъ *Byzantinische Zeitschrift* съ прошедшаго года сталъ издаваться въ Мюнхенѣ. Западъ какъ будто хочетъ загладить свой ученый грѣхъ предъ Византіей. Цѣлый рядъ историковъ, юристовъ, палеографовъ, археологовъ: Миклошичъ, Ягичъ, Гиршъ, Куртцъ, Де-Бооръ, Рамбо, Крумбахеръ, Гельцеръ, Диль и мн. др. своими талантами и энергіей сильно оживили изученіе Византіи и, хотя еще не выработали здѣсь себѣ систематической программы, во всякомъ случаѣ, поставили этотъ предметъ на твердую научную почву.

Если Византія, какъ сказано, въ средніе вѣка оказы-

вала значительное вліяніе на западную Европу, то безспорно, *тромадное* вліяніе оказывала она на славянскій міръ, бывший у нея подъ бокомъ, и особенно на нашу Русь. Съ начала своего историческаго бытія до Цетра I-го Русь находилась въ самыхъ живыхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Византіей. „Многочастны и многообразны связи, соединяющія русскую исторію съ византійскою, говоритъ одинъ нашъ современный ученый. Основанная на достовѣрныхъ источникахъ, а не на народныхъ преданіяхъ, наша древняя исторія есть въ сущности часть исторіи византійской“. И это едвали кто станеть оспаривать. Отъ Византіи мы приняли истинную христіанскую вѣру и до XV вѣка среди своихъ архинастрыей и клира имѣли много грековъ. Греки были строителями первыхъ церквей на Руси, греки въ первое время писали иконы у насъ, они же потомъ приносили къ намъ и свои свитыни: частицы мощей, іорданскую землю и тому подобныя священныя реликвіи, которыя всегда любила чтить православная Русь, не жалѣвшая тратить для пріобрѣтенія ихъ ни соболей, ни золота. Отъ Царяграда, по лѣтописи, „начать быти въ рустѣй землѣ ангелоподобное пѣніе: изрядное осмогласіе, наипаче и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе“¹⁾. Наше инокство училось у византійскихъ подвижниковъ, — жило и живетъ по ихъ монашескимъ уставамъ. Наша словесность съ ея легендами, апокрифами и духовными стихами, въ которыхъ проявлялось народное творчество, наша книжная мудрость — *все* это было болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ византійскимъ образцамъ или же прямо заимствовалось изъ Византіи при помощи и подъ руководствомъ самихъ грековъ, бывшихъ у насъ и первыми насадителями грамотности. Домашній и общественный бытъ на Руси, ея торговля и промышленность тоже стояли въ тѣсной зависимости отъ Византіи²⁾. Разныя стороны государственнаго строя древней и новой Руси, многія политическія идеи (напр., о значеніи самодержавной власти) твердо усвоенныя нашимъ общественнымъ сознаніемъ являются опять

1) См. Ф. Терюеваго: Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, вып. 2, стр. 37, 31, 35, 40 и др.

2) Ibid, стр. 38.

отраженіемъ византійской государственной жизни и византійскихъ теорій. Важнѣйшія преобразования и новшества въ сферѣ государственной и общественной, въ жизни гражданской и церковной (напр., утвержденіе царскаго титула за великимъ княземъ московскимъ, учрежденіе патріаршества) почти всегда проводились у насъ подъ духовнымъ авторитетомъ грековъ. Вообще, древняя Русь, по выраженію одного изъ послѣднихъ ея представителей (Феофана Прокоповича, „на грековъ смотрѣла, стъ нихъ чину и обычаю училась“ ¹⁾), хотя не всегда и не во всемъ. То или другое явленіе русской жизни, тотъ или иной вопросъ современности наши предки любили обсуждать при свѣтѣ византійской дѣйствительности. До своего паденія Византія поучала ихъ живымъ примѣромъ: разъ становилось извѣстнымъ, что то или другое „противно греческому благовѣрному житію“, и дальнѣйшихъ колебаній въ рѣшеніи поднятаго вопроса быть не могло; указанія современной Византіи принимались нашими предками съ сыновнимъ послушаніемъ. Послѣ взятія Константинополя турками Византія стала назидать русскихъ людей преимущественно уже своимъ прошедшимъ, своею исторіей, хотя они и знакомились съ нею не всегда по надежнымъ источникамъ. Правда, и византійской современностью, и исторіей въ древней Руси часто пользовались своеобразно: чтобы доказать какую-либо мысль или освѣтить въ извѣстномъ направленіи какое-либо явленіе, изъ византійской дѣйствительности брались одни факты и замалчивались другіе, которые почему-либо не благоприятствовали преднамѣченной цѣли ²⁾. Въ этомъ отношеніи характерна, наприм., полемика между Іоанномъ Грознымъ и кн. Курбскимъ касательно абсолютизма царской власти. Первый доказывалъ, что ограниченіе самодержавія губительно для государства и въ этомъ смыслѣ изображалъ, какъ постепенно упала Византія, „понеже убо тамо царіе быша послушни епархомъ и синклитомъ“; Курбскій, напротивъ, утверждалъ, что царь долженъ слушать добрыхъ мірскихъ и духовныхъ совѣтниковъ, и ссылался на случай изъ житія святителя Николая, который въ чудесномъ явленіи обли-

¹⁾ Ibid., стр. 265

²⁾ Ibid.. стр. 112—113.

чиль Константина Великаго за неправый судъ ¹⁾. Вообще, византійская исторія иногда поучала нашихъ предковъ то одному, то совершенно противоположному въ зависимости отъ того, куда преднамѣренно направлялась ихъ собственная историческая логика. Однако и при этомъ они все-таки не сходили, такъ сказать, съ византійской почвы. Внимание къ Византіи и подражательное отношеніе къ ней сильно ослабѣло на Руси лишь со времени Петра Великаго, когда началось наше сближеніе съ западной Европой, далеко опередившей насъ и политически отжившую Византію, главнымъ образомъ, въ области техники и государственной экономіи. Конечно, и прежде на Руси понимали, что „греки для насъ не евангеліе“ ²⁾; но съ эпохи Петра такое недо-вѣріе къ грекамъ перешло уже въ полное пренебреженіе къ нимъ. Теперь въ византійской исторіи вовсе перестали видѣть образцы для подражанія; если на нее иногда и обращали вниманіе, то лишь съ отрицательной цѣлью, — научиться на основаніи примѣровъ, чего должно избѣгать, „дабы не имѣть жребія монархіи греческой“ ³⁾. Съ теченіемъ времени у насъ и совсѣмъ стали игнорировать Византію, представляя ее себѣ лишь въ мрачныхъ чертахъ.

Но забывать Византію и ея исторію намъ нельзя. Уже изъ выше отмѣченныхъ фактовъ ясно, что ни политическая, ни церковная наша исторія не можетъ быть понятà безъ близкаго знакомства съ Византіей, потомучто нашъ государственный строй, общественный бытъ, мораль, наше право, искусство, народная и книжная мудрость развивались подъ влияніемъ Византіи. Почти только *ея* культурными началами жила древняя Русь. Многія изъ этихъ началъ (преданность церкви, приверженность къ монархіи, неразположеніе къ латинству, любовь къ обрядности) вошли въ плоть и кровь русскаго народа и сказываются въ немъ доселѣ. А кто знаетъ: въ недалекомъ будущемъ, при извѣстномъ рѣшеніи „восточнаго вопроса“, русская исторія, можетъ быть, опять уже и навсегда соединится съ византійскою... Поэтому, если мы захотимъ понять духъ

¹⁾ Ibid., стр. 175.

²⁾ Ibid., стр. 112.

³⁾ Ibid., стр. 264.

своего народа, постигнуть его симпатіи и стремленія или оцѣнить его слабости и добродѣтели, если, наконецъ, для насъ не бесполезно предусмотрѣть его дальнѣйшее политическое положеніе, мы должны познакомиться съ источникомъ тѣхъ вліяній, подъ которыми онъ воспитался. А это значить, что намъ слѣдуетъ усердно и всесторонне разрабатывать византійскую исторію, не только гражданскую, но и церковную, потому что государство и церковь нигдѣ не были такъ тѣсно связаны между собою, какъ у насъ и въ Византіи. И часть критическаго и безпристрастнаго изученія византійской исторіи для насъ, несомнѣнно, уже настала, если за это дѣло серьезно взялись даже нѣмцы. Только мы должны изслѣдовать Византію, по возможности, самостоятельно, безъ рабской зависимости отъ иновѣрныхъ иностранныхъ ученыхъ, которые не всегда правильно изображаютъ и оцѣниваютъ жизнь этой православной страны. *Ὅποιος θελει σφρακοχολιά γείτορα χαλκιά δὲν χάνει* (кто не желаетъ получить удара молоткомъ, тотъ не сойдѣтъ съ кузнецомъ), говоритъ греческая пословица. Такъ и мы, если не захотимъ повторять ошибокъ указанныхъ ученыхъ, должны въ изученіи Византіи довѣрять имъ поменьше. Начало самостоятельному и всестороннему знакомству съ нею у насъ, слава Богу, уже положено. Труды арх. Арсенія, профессоровъ П. В. Безобразова, Бѣляева, Васильевскаго, С. и Г. Дестунисъ, прот. А. М. Иванцова-Платонова, Киричаникова, Кондакова, Н. Θ. Красносельцева, Курганова, А. П. Лебедева, Покровскаго, пресов. Порфирія, Скабалановича, Троицкаго, Θ. И. Успенскаго и др. считаются авторитетными на западѣ и даютъ массу обстоятельныхъ свѣдѣній по церковной и гражданской византійской исторіи вообще и по разнымъ отраслямъ этой науки въ частности. Недавно подъ руководствомъ Θ. И. Успенскаго при историко-филологическомъ обществѣ Новороссійскаго университета образовалось даже особое „византійское отдѣленіе“ и уже выпустило любопытный сборникъ статей талантливѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ византинистовъ. Пусть же семья ихъ растетъ и растетъ, пусть шире и глубже вникаютъ они въ судьбы Византіи и ея отношенія къ православной Руси! Ни одинъ усердный и разумный

труженикъ на этомъ пока не истощенномъ полѣ не окажется лишнимъ.

Желая вложить свою посильную лепту въ корванъ русской исторической науки, рѣшился и я, при просвѣщенномъ содѣйствіи родной Московской Духовной Академіи, выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе по части Византіи. Мой трудъ „Царствованіе Льва VI Мудраго въ церковно-историческомъ отношеніи“ (М., 1892), представленный на судъ вашего достопочтеннаго собранія, касается любопытнаго періода, конца IX и пачала X вѣка, когда въ правленіе Македонской династіи, послѣ мрачныхъ временъ иконоборчества, началось новое культурное процвѣтаніе Византіи и когда только что стихла, хотя и несовсѣмъ, открытая борьба между „Востокомъ“ и „Западомъ“, со всею силою обнаруживавшаяся при патріархѣ Фотіи и панѣ Николаѣ I-мъ. Конечно, эта эпоха не имѣетъ тѣснаго соприкосновенія съ русской исторіей, потому что тогда только что нарождалось наше государство. Многіе на Руси давно уже принимали христіанство отъ грековъ, но это было пока единичнымъ явленіемъ и совершалось какъ-то незамѣтно; за указанное время отношеніе нашихъ предковъ къ Византіи явно сказалось лишь въ томъ, что они „громили“ ее вмѣстѣ съ варяжскими дружинами Олега, который, по легендарному сказанію, повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царяграда. Поэтому, мое изслѣдованіе, по видимому, нужно лишь для знакомства съ самой Византіей. Но, можетъ быть, оно еще не совсѣмъ бесполезно и для русской исторіи. „Нельзя ограничивать изученіе исторіи Византіи лишь тѣмъ періодомъ, который соприкасается съ исторіей Россіи, потому что этотъ періодъ есть результатъ еще болѣе древней эпохи въ жизни Византіи, утверждаетъ мой глубокоуважаемый учитель А. П. Лебедевъ; слѣдуетъ, говорить онъ, настаивать на изученіи *всей* исторіи Византіи, а не какихъ-либо періодовъ византійской исторіи. Жизнь Византіи представляетъ клубокъ, въ которомъ только тогда дойдешь до сердцевины, когда размотаешь его до конца“. Весьма естественно, что при такой пиротѣ историческаго кругозора слѣды византійскаго вліянія на Русь могутъ обнаружиться тамъ, гдѣ никто пока этого и не предполагаетъ. Поэтому, мнѣ думается, что изученіе царствованія Льва

Мудраго въ связи съ изученіемъ позднѣйшихъ періодовъ византійской исторіи можетъ оказаться тоже пригоднымъ и для надлежащаго освѣщенія извѣстныхъ явленій въ жизни древней Руси. Къ такому предположенію прихожу я въ виду того, что предки наши кое-что знали и о самомъ импер. Львѣ Мудромъ, и о нѣкоторыхъ событіяхъ его времени. Левъ Мудрый пользовался на Руси славой чловѣка умнаго, вѣроятно, по своему прозванію, какъ и его современникъ и врагъ—нашъ *внуки* Олегъ. Онъ (Левъ Мудрый) былъ извѣстенъ нашимъ предкамъ по переводнымъ хронографамъ, по церковнымъ пѣснопѣніямъ и по нѣкоторымъ другимъ произведеніямъ, которыя имѣлись въ древней Руси. Предки наши знали „наставленіе ¹⁾ или testamentъ Василя, царя греческаго, сыну своему Льву Премудрому“, читали оракулы Льва, гдѣ „написаны погисели мѣсячныя и лупныя“, и въ церковныхъ книгахъ перѣдко встрѣчали „творенія Льва, Царя Премудраго“. А русскіе паломники во Св. Софіи цареградской видали „икону велику, а на ней написанъ царь Корлѣй о софосъ и у него камень драгій въ челѣ и свѣтитъ въ ноци во св. Софіи“ ²⁾. Правда, иногда русскіе книжники смѣшивали Льва Мудраго съ другими лицами византійской исторіи, посившими тоже имя ³⁾, однако это не мѣшало имъ имѣть по хронографамъ весьма вѣроятныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ событіяхъ за царствованіе императора Льва Мудраго; его исторія на Стоглавомъ соборѣ вызывалась даже на справку по вопросу о четвертомъ бракѣ въ нашей церкви ⁴⁾. Послѣ этого можно ли утверждать, что царствованіе Льва Мудраго не имѣло вовсе никакого отношенія къ жизни древней Руси?

¹⁾ Оно помѣщалось въ рукописныхъ сборникахъ и даже нѣсколько разъ было напечатано (въ 1862, 1680, 1718 и въ 1776 г.)

²⁾ Терновскаго—ор. с., стр. 30.

³⁾ Напр., со Львомъ Армяниномъ и съ ученымъ времени импер. Θεοφιλα—Львомъ Философомъ (Градъ Законы въ Кормчей книгѣ. Легенда о волшебномъ зеркалѣ, съ помощію котораго можно видѣть то, что совершается вдали. См. въ Никоновой лѣтописи. Терновскаго: Изученіе визант. исторіи и ея тепденціозное приложеніе въ древи. Руси, вып. 1; стр. 108).

⁴⁾ Стоглавъ (Казань, 1862 г.). О второмъ же бракѣ и о тросженцахъ (гл. 23, стр. 117).

Изученіе этого періода, очевидно, не лишено значенія для общей и для русской гражданской и церковной исторіи.

Однако, до сихъ поръ царствованіе Льва Мудраго не было надлежащимъ образомъ изслѣдовано не только въ церковномъ, но даже и въ гражданскомъ отношеніи, какъ въ иностранной, такъ и въ русской наукѣ.

Восполнить нѣсколько этотъ пробѣлъ въ исторической литературѣ, пролить свѣтъ на состояніе византійской церкви непосредственно послѣ патріарха Фотія я и берусь въ своемъ сочиненіи.

При исполненіи своей работы я пользовался, конечно, разными учеными пособіями (они разобраны въ началѣ моей книги). Но сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія о царствованіи императора Льва Мудраго весьма неполны, отрывочны и нерѣдко даже тенденціозны. Чтобы создать болѣе или менѣе правильное и цѣльное представленіе о состояніи византійской церкви за избранный мною періодъ, я долженъ былъ тщательно изучать касающіеся его древніе литературные памятники—византійскія хроники, житія, частныя письма и официальные документы. Видя, что и отъ нихъ о времени Льва Мудраго „не много словъ доходитъ до меня“, я старался лучше воспользоваться и тѣмъ историческимъ матеріаломъ, какой давали они. Я дорожилъ каждой строчкой своихъ первоисточниковъ, одинъ изъ нихъ сравнивалъ съ другимъ, смотрѣлъ, соответвуютъ-ли сообщаемыя въ нихъ извѣстія естественному и общему ходу тогдашнихъ событій. Результатомъ такой-то кропотливой и не всегда благодарной работы надъ литературно-историческимъ матеріаломъ и было мое изслѣдованіе. Въ немъ, прежде всего, я даю представленіе о самомъ императ. Львѣ, который въ свое время оказывалъ большое вліяніе на ходъ церковной жизни въ Византіи. Я говорю о воспитаніи Льва, его характерѣ, наклонностяхъ, о внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи при немъ государства. Далѣе, я веду рѣчь о первомъ церковномъ событіи въ царствованіе Льва, о низложеніи его учителя—знаменитаго патріарха Фотія и о возведеніи на мѣсто послѣдняго шестнадцатилѣтняго царскаго брата Стефана, о причинахъ, въ силу которыхъ совершилось это событіе и объ отношеніи къ нему византійскаго общества. Говоря о преемникахъ патр. Фотія, о малолѣтнемъ Сте-

фанѣ и престарѣломъ Антоніи, я излагаю за время ихъ правленія исторіею сношеній между константинопольскою и римскою церквами о дѣйствительности хиротоніи ставленниковъ Фотія, которыхъ папы долго не хотѣли признавать въ духовномъ санѣ. Сообщивъ о началѣ патріаршества Николая Мистика и о случившемся при немъ четвертомъ бракѣ императора, я останавливаюсь на тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, какими это событіе разрѣшилось для византійской церкви: рассказываю о изложеніи патріарха Николая и о возведеніи на патріаршую кафедру старца Евѳимія, о константинопольскомъ соборѣ 907 года, признавшемъ законность царскаго брака, о церковно-общественныхъ партіяхъ, составившихся по поводу этого брака и патріаршества Евѳимія, выясняю дѣйствительные мотивы, которыми руководились во взаимной борьбѣ упомянутыя партіи, повѣствую о возвращеніи патр. Николая къ управленію, о средствахъ, какія употреблялъ онъ для возстановленія мира въ византійской церкви и ея согласія съ римскою, утвердившею четвертый бракъ царя, и указываю на судьбу церковно-общественной борьбы въ Византіи при преемникахъ патр. Николая. Въ концѣ книги я характеризую важную въ судьбахъ Византіи законодательную дѣятельность Льва въ отношеніи къ церкви, изображаю состояніе духовнаго просвѣщенія, говорю объ административномъ устройствѣ византійской церкви и религіозно-нравственной жизни общества и, для округленности своего изслѣдованія, опредѣляю границы константинопольскаго патріархата за время тогоже императора. А въ приложеніи къ своему изслѣдованію я далъ въ русскомъ переводѣ образцы византійской духовной письменности за изученный мною періодъ: четыре слова самаго императора Льва и апологетическое посланіе митрополита Арееы къ Дамасскому эмиру, интересное по содержанію и оригинальное по изложенію. (У Арееы, наприм., мы находимъ *первое* свидѣтельство о чудесномъ огнѣ, сходящемъ съ неба въ пасху въ іерусалимскомъ храмѣ. Стилистическія же особенности посланія больше замѣтны, конечно, въ греческомъ подлинникѣ).—Можетъ быть, моя церковно-историческая картина не такъ пластична, не отличается яркостью красокъ и разнообразіемъ деталей. Но это зависитъ не столько отъ меня са-

мого, сколько отъ скудости матеріала, который былъ у меня подъ руками. Я, по крайней мѣрѣ, старался извлечь изъ своихъ источниковъ все, чѣмъ только могутъ быть интересными съ церковно-исторической точки зрѣнія личность импер. Льва и его правленіе¹⁾. Въ своемъ изслѣдованіи я говорю лишь о томъ, что находилъ въ своихъ источникахъ, и молчу о многомъ, о чемъ не встрѣчалъ въ нихъ никакихъ свидѣтельствъ. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, скажу словами П. М. Карамзина, я искалъ лишь выражений въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; я искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ и желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей. Ободряясь словами Плинія, что всякая исторія, даже и не искусно писанная, бываетъ пріятна, я осмѣлился отпечатать свое изслѣдованіе и предложить его вниманію любителей исторической науки. Насколько оно удачно, что въ немъ поваго, дастъ-ли оно матеріалъ для дальнѣйшихъ работъ касательно Византіи, — судить вашему достопочтенному собранію и глубокоуважаемымъ рецензентамъ.

Въ заключеніе своей рѣчи я приношу сердечную благодарность моему руководителю А. П. Лебеву, который направилъ мои силы на изученіе византійской исторіи, далъ самую тему для моей первой работы въ этой, теперь уже моей излюбленной области, и своими опытными совѣтами и указаніями участливо помогалъ мнѣ въ занятіяхъ²⁾.

Н. Поповъ.

1) Лишь только была напечатана моя книга, въ *Byzant. Zeitschrift* за 1892-й годъ я встрѣтилъ болѣе исправный текстъ отреченія патр. Николая отъ кафедры, полтвердившій мои предположенія о неподлинности его отреченій, приведенныхъ въ „Жизни Евѣмія“. Я былъ радъ, видя, что разработка и такого частнаго вопроса византійской исторіи подвигается впередъ, — но, къ сожалѣнію, уже не могъ самъ воспользоваться новымъ матеріаломъ.

2) А предъ другимъ ученымъ — предъ высокоуважаемымъ прот. А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ я извиняюсь за свое ошибочное замѣчаніе касательно одного мѣста (примѣч. 12) его сочиненія: „Къ изслѣдованіямъ о Фотіи“, но недосмотру сдѣланное въ началѣ моей книги (на стр. XLIX).